

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

ШТРАФНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

МОСКВА

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

ШТРАФНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Карпов, Александр.

К26 Штрафное проклятие / Александр Карпов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-210316-2

Красноармеец Виктор Волков попал на фронт в семнадцать лет. Но вместо героических подвигов и личного счета уничтоженных фашистов парень вынужден был начать боевой путь со... штрафной роты. Обвиненный по навету в краже и желая поскорее вернуться в свою часть, он в первых рядах штрафников поднимается в атаку через минное поле. В тот раз судьба уберегла его от смерти... Вскоре Виктор стал пулеметчиком, получил звание сержанта. Казалось бы, боевая жизнь наладилась: воюй, грой врага. Но неисповедимы фронтовые дороги. Очень скоро душу молодого солдата опалило новое страшное испытание...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Карпов А., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210316-2

Глава 1

Ночная мгла еще всецело царствовала на земле и на небе. Темные тяжелые облака висели низко, и казалось, что они почти не двигаются, даже при наличии привычного для этих мест северо-западного ветра. Редкие птицы, в основном вездесущие вороны, пролетали над крышами домов, от одного дерева с раскидистой кроной к другому, переставая работать крыльями за полсотни метров до места посадки. Они садились на черные ветви, где были совсем не видны с земли, или на крыши, где на фоне серого мартовского утреннего неба казались вытянутыми по вертикали пятнами.

В полумраке почти нигде не освещенной улицы одна за другой проехали две запряженные худенькими лошаденками груженные подводы. На каждой восседал с поводьями в руках немолодой мужчина. Вереница женщин, сгорбленных от холодного ветра, одетых по-

чти во все серое, однообразное, в шерстяных платках на головах и в валенках на ногах, быстрым шагом, одна за другой, проследовали к утопающей в навалах грязного снега двери, освещенной электрической лампочкой под металлической, качающейся на ветру «шляпой». За ними с шумом и почти бегом семенила толпа худеньких мальчишек-подростков, как правило, облаченных в старые шапки-треухи, ватные куртки большего, чем требовалось, размера, и часто громадные, отцовские, валенки. Далее шли небольшие группы или по одной женщины, такие же серые и сторбленные, что и первые. Потом мужчины, почти все немолодые. За ними снова подростки, но уже постарше, снова женщины, женщины с мужчинами, несколько стариков, один из которых что-то ворчал себе под нос, и снова женщины с мужчинами. Все неприметные, на один манер одетые, словно темные пятна на фоне серого снега, сваленного вручную от дороги к длинному деревянному забору.

Путь у всех заканчивался за той самой одинокой дверью, почти не закрывавшейся от сплошного потока входящих. Что было написано на не очень большого размера табличке, расположившейся на стене неподалеку от этой двери, почти не было видно со сторо-

ны. Свет лампочки, горевшей над дверью, не касался ее, обходя стороной и освещая только саму дверь и крыльцо перед ним. Лишь только когда ветер чуть сильнее раскачивал фонарь, свет от лампочки освещал край таблички, и тогда можно было прочесть на ней: «...СКИЙ ЗАВОД».

К двери, в почти не прерывающемся потоке людей быстрым шагом приближался невысокий худой юноша, ничем не выделявшийся в серой однообразной массе людей. По его внешности было видно, что он уже достиг того самого возраста, когда мальчиков уже перестают считать подростками, но еще не считают молодыми людьми. Молодой семнадцатилетний организм сейчас явно желал сладко и крепко спать, а не идти к темной двери, освещенной единственной на этой улице электрической лампочкой. Наконец парень попал под ее свет, замер на мгновение, за которое успел ухватиться рукой за ручку, а потом скрылся за дверью.

Порог невысокого одноэтажного здания, который он перешагнул, очутившись в узком коридоре, справа и слева от которого располагались несколько дверей и крохотных внутренних окошек в стенах, отделил его жизнь на ближайшие двенадцать часов от всего того, что было до его пересечения. За спиной,

за дверью оставалась вся его прошлая жизнь: многочисленные друзья, родные дом и улица, отец и мать.

Да и почти все его друзья сейчас тоже входили в такие же двери, рядом с которыми была табличка: «...ЗАВОД», чтобы тоже на двенадцать часов рабочей смены встать к станку, печи, верстаку или котлу. Иного выбора ни у кого из них сейчас не было. Только так, днем или ночью, в смену по двенадцать часов в сутки, иногда не видя солнца, в дыму, копоти, в шуме работы кузнечного, литейного, штамповочного или какого-либо еще цеха. Без выходных, без отпусков и каникул. Жизнь не оставляла иного выбора. Каждый должен был стиснуть волю в кулак и пойти трудиться, потому шла война: тяжелая, беспощадная, кровавая, огненная, на полное истребление.

— Волков! — громко назвал себя юноша, когда подошла его очередь показаться перед одним из окошек, расположенных на внутренней стене здания, в которое он вошел.

— Тот, что Виктор? — хрипло прозвучал голос в ответ оттуда, из-за грязного стекла, почти что прятавшего за собой седовласого старика.

— Да! — так же громко произнес юноша.

— А то в соседних цехах еще Волковы есть. Поди разбери, кто ты такой из них бу-

дешь, — заворчал кто-то рядом со стариком, которого за грязным стеклом видно не было.

Юноша вышел, уже сделал шаг к другой, противоположной, двери, путь через порог которой должен был вывести его сначала на широкую заводскую улицу с несколькими дорожками-направлениями, что вели каждая в определенный цех, склад или мастерскую. Но какая-то неведомая ему сила заставила его повернуть голову в сторону, к стоящему в углу столу, на котором обычно оставлялась кое-какая корреспонденция, лежали листы объявлений для работников, передаваемые письма или посылки, копии приказов и распоряжений по цехам и подразделениям завода. И он там заметил лист бумаги с отпечатанным на машинке списком фамилий ребят одного года рождения с ним, которым уже на тот момент исполнилось полных восемнадцать лет. Фамилий было немного, десятка полтора. Все фамилии и наименования цехов и подразделений предприятия, где они числились, уместились на одной странице. А сверху было написано «Приказ» под номером таким-то и с предписанием прибыть уже на следующий день в городской военный комиссариат.

— Неужели призывают? — произнес кто-то за спиной Виктора, кому этот список тоже попался на глаза.

Парень застыл на месте. Легкий холодок пробежал по его спине. Тело будто окаменело. Он невольно подумал о том, что и сам в конце года окажется в подобных списках, что будут лежать на проходной завода. Военный комиссариат Подольска, врачебная комиссия, отправка в одну из воинских частей и потом — фронт. В декабре ему восемнадцать. Сейчас конец марта. Осталось совсем немного времени. Каких-то девять месяцев. Они пролетят быстро. Он и заметить не успеет, как с легкой руки машинистки его фамилия окажется на точно таком же листе бумаги.

Виктор еще раз посмотрел на список. Пробежал по нему глазами в поисках знакомых фамилий. Вдруг в нем есть друзья или вообще кто-либо из его цеха? Взгляд его приковала фамилия товарища из другого подразделения предприятия. Ошибиться он не мог. Его знакомый был там единственным работником с такими данными. И по возрасту вполне подходил. Все остальные, кого удалось вспомнить, были значительно старше. Молодых рабочих с началом войны осталось не так много. В основном те, кому дали бронь. Это были люди с высокой квалификацией, опытом работы и техническим образованием. За них завод держался мертвой хваткой. Терять кадры никому не хотелось. Но и из тех многие

покинули родные цеха, записавшись в народное ополчение, укомплектованное в основном рабочими предприятий города еще в октябре-ноябре прошлого года, когда враг особенно ожесточенно рвался к Москве.

Значит, эта знакомая ему фамилия в списке принадлежит именно тому человеку, о ком подумалось. Виктор нахмурился. Что-то все равно не сходилось в его голове. Он отчетливо помнил, что день рождения того парня еще не наступил. Ему нет восемнадцати. Определенно нет. Порог призывного возраста ему предстояло перейти только летом. Это точно.

Взгляд юноши скользнул по часам. Они показывали, что до начала работы еще около двадцати минут. Виктор всегда приходил пораньше. Это было его привычкой. Мать всегда ругала его за то, что он долго спит, вместо того чтобы делом заняться. А когда он устроился после окончания школы-семилетки рабочим в один из цехов, то она особо рьяно начала приучать его к дисциплине, всякий раз напоминая про наказания за опоздания на работу.

Он успеет. Надо все разузнать. Нет ли ошибки в списках, и действительно ли его друг уйдет на фронт еще до того, как ему исполнится восемнадцать? Виктор ускорил шаг, прикидывая в уме, что успеет переодеться

в раздевалке до того, как прозвучит заводской гудок, сообщающий всем работникам о начале смены.

— Да сам я к начальнику цеха подошел, — заявил его знакомый. — Говорю ему про то, что летом меня все равно призовут. Чего ждать? Пусть сейчас отпускает. Тем более что двое после тяжелых ранений уже вернулись с фронта и начали работать. Так что замена вроде есть.

— Но ведь нельзя по закону до восемнадцати лет! — заявил в ответ Виктор.

— Э-э! — улыбнулся ему собеседник. — Да ты, брат, мало чего знаешь. А я тебе скажу.

Он хмыкнул и улыбнулся, убирая замерзшие на мартовском холоде руки в карманы замасленного и оттого блестевшего на свету рабочего ватника, прикрытого спереди широким и грязным брезентовым фартуком.

— Год на дворе сорок второй? — уставился он прямо в глаза собеседнику.

Виктор кивнул в знак согласия.

— Мы с тобой с двадцать четвертого года? — последовал новый вопрос.

— Ну да, — произнес тот.

— Так что будет, если из сорока двух отнять двадцать четыре? — почему-то озадаченно спросил у него собеседник и тут же сам дал ответ: — Восемнадцать! И на конкретную дату

твоего и моего рождения военный комиссар вполне может глаза закрыть. У него там простая арифметика и приказ от своего начальства, об отправке на фронт как можно большего количества людей. Вот так-то.

Виктор нахмурился, услышав все сказанное ему напрямую.

— Он, военком, прислал в отделы кадров предприятий всего Подольска запросы на тех, кому и есть уже восемнадцать и на них не дали брони. А те составили свои списки.

— Значит, и я так смогу? — озадаченно произнес Виктор.

— А то! — почти засмеялся в ответ его товарищ. — Беги к начальнику своего цеха и просись на завтра с нами.

— А пустит ли? Работы уж больно много, — прокомментировал он, недоумевая от всех услышанных объяснений и доводов.

— Работы сейчас везде и у всех много. Но хочешь на фронт, значит, иди и просись. Под лежащий камень вода не течет, — хлопнул его по плечу товарищ.

Он уже собирался уходить в свой цех, как снова повернулся к Виктору и добавил:

— Мужики, вернувшиеся с фронта на завод, после того как их комиссовали после ранений, рассказывали, что часто там встречали тех солдат, кому по семнадцать, а то и по

шестнадцать лет. Попадались и совсем юные. Это воспитанники. Их сынами полков называют. А были и такие, кто на вид совсем мальчишка, а всем говорит, что ему больше лет, чем выглядит. Только поди проверь, если он доброволец, родные места его уже под немцами, а документов, может, и не осталось вовсе. Но воюет же человек.

— Ничего себе! — удивленно протянул Виктор, выслушав товарища.

— Волков! — вдруг одернул его голос мастера, громко прозвучавший со стороны въездных ворот в его цех. — Заснул, что ли? Бегом на работу!

День едва не начался с опоздания, но главное, что удалось узнать — это была реальная возможность не ждать призыва, что коснется парня лишь к концу года, в декабре, когда ему исполнится полных восемнадцать лет, а самому попроситься на фронт.

Весь рабочий день Виктор провел с мыслью о досрочном своем возможном уходе на службу в армию, на войну. Он много раз прокручивал в голове рассказ товарища. Не смущало его в этом абсолютно ничего: ни опасности, ни трудности, ни ранения, ни вполне возможная гибель в бою. Волновали только отец с матерью. Они оставались совершенно одни в случае его убытия куда-либо.